

ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ У МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ЧАСТЬ 1: ИМПЕРСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК)*

П. Н. Дудин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация, 670047, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Автор с опорой на труды русских исследователей восточноазиатского региона предпринимает попытку дать характеристику публично-властным институтам маньчжуро-монгольских народов в начале XX в. Оставаясь в тени Китая, эти народы накопили значительный опыт государственности, который в разные исторические эпохи позволил им создать мощные державы, завоевывающие друг друга и соседние страны. Однако на рубеже XIX–XX вв. властные отношения оказались подвергнуты воздействию некоторых факторов, в результате которых политический ландшафт региона существенно изменился. Среди таковых автор прежде всего выделяет китайскую колонизацию, проводившуюся в отношении исконных монгольских земель при невозможности противостоять этому со стороны цинских императоров, бывших когда-то гарантами их неприкосновенности. На территориях родовых княжеств создаются китайские административно-территориальные единицы с центральным подчинением, а выморочные владения переходят под прямое управление администрации провинций. Маньчжурия как древняя вотчина правящего императорского дома также оказывается разделенной на три провинции, и эта же судьба ждет Внутреннюю и Внешнюю Монголию. Традиционные военные институты, доказав свою неэффективность в борьбе с европейцами и японцами, расформируются, а в национальных регионах Внешнего Китая создаются новые формирования, призванные и защитить границу от возможного нападения, и сохранить зависимые территории в подчинении центральных властей. Пытаясь следовать духу времени и вместе с тем решать оборонную задачу, китайские власти вынашивают планы грандиозного железнодорожного строительства на исследуемом пространстве. Однако начавшаяся осенью 1911 г. Синьхайская революция привела к свержению монархии и фактическому разрыву личных уний, которые удерживали национальные регионы Севера империи Цин в единстве с метрополией. Тем самым была порождена проблема легитимности центральной власти республиканского Китая в глазах маньчжуро-монгольских народов, приведшая страну к фактическому распаду и образованию на маньчжуро-монгольском историко-культурном пространстве новых национальных государств.

Ключевые слова: институты публичной власти, государственность, колонизация, граница, легитимность, Маньчжурия, Монголия, империя Цин, Китайская Республика.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>.

ВВЕДЕНИЕ

Маньчжуро-монгольские народы издавна населяли Северо-Восток Евразии, преимущественно провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин, автономные районы (Внутреннюю Монголию, Тибет и Нинся-Хуэйский автономный район КНР), территорию современной Монголии и некоторых субъектов Российской Федерации. Их предки начиная с III в. до н. э. конструируют свою государственность, трансформирующуюся в огромные империи. Эти империи, в свою очередь, приводят в движение политические и социальные процессы по всему пространству континента, определив тем самым дизайн политической карты современной Восточной Азии. Взаимодействуя друг с другом посредством сотрудничества или завоеваний, чжурчжэни/маньчжуры и монголы создавали государственные системы и властные отношения, не вписывающиеся в традиционные западно-центристские концепции и категории и поэтому требующие пристального научного внимания и переосмысления.

Актуальность раскрываемой темы и обусловлена той ролью, которую политики, составляющие Восточную Азию, играли и играют в формировании регионального и международного порядка. Помимо этого, необходимость комплексного изучения прогрессивного опыта государственного строительства маньчжуро-монгольских народов продиктована возможностью его использования в современной национальной политике стран региона.

Уникальность заявленного исследовательского поля заключается также и в том, что, начиная с А. Л. Леонтьева и отца Иакинфа (Н. Я. Бичурина), первыми, кому посчастливилось заняться изучением как самого имперского Китая и его властных институтов, так и маньчжуро-монгольского региона, были наши соотечественники — представители Русской духовной миссии в Пекине, служащие многочисленных дальневосточных предприятий, коммерческие агенты, военные разведчики и дипломаты. Их наследие и по сей день составляет золотой фонд мирового востоковедения, однако сегодняшние ученые о нем вспоминают крайне редко. Поэтому в рамках данной работы предполагается осветить ряд сложных и необратимых процессов трансформации институтов публичной власти у маньчжуро-монгольских народов в преддверии и после распада империи Цин, в государственность которой они были встроены с первой половины XVII в.

Источниковую базу составляют работы членов Общества русских ориенталистов (ОРО), созданного в 1909 г. в г. Харбине, в 1909–1928 гг. издававшего журнал «Вестник Азии». Эти люди, имея доступ к разнообразным первоисточникам (письменным текстам, устным сказаниям и т. п.), изучали государства и их элементы в самых разных направлениях, организовывали просветительскую работу, делали доклады, читали лекции, в том числе по истории Монголии и Маньчжурии, касаясь описания их границ, административно-территориального устройства, населения, организации управленческих институтов и т. п., и придавали результатам своих трудов публичный характер [Отчет секретаря..., 1916]. В середине 1920-х годов ОРО становится частью Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК) [Баранов, 1922] — уникального исследовательского объединения, в 1922–1927 гг. издававшего журнал «Известия Общества изучения Маньчжурско-

го края», на страницах которого системно и поступательно освещались история и культура, население, города и границы [Баранов, 1923] пространства, ставшего для этих наших соотечественников второй родиной. Наконец, в 1923–1924 гг. президиумом Торгово-промышленной секции ОИМК учреждается и издается «Экономический вестник Маньчжурии», преобразованный в 1925 г. в «Вестник Маньчжурии» и выпускавшийся с различной периодичностью до 1934 г. Помимо этого, Экономическим бюро КВЖД издавался цикл непериодических изданий (справочников, альманахов и т. п.), касающихся исследуемого нами вопроса, однако в связи с большим объемом ценнейшего материала, содержащегося в них, мы заострим внимание только на наиболее знаковых публикациях.

Структурно наша работа состоит из двух частей, в первой из которых, оформленной настоящей статьей, мы попытаемся осветить характер институтов публичной власти у маньчжуро-монгольских народов и показать их место в структуре государственности империи Цин на фоне ее распада. Вторая часть будет посвящена республиканскому периоду в истории Китая и месту в его распадающейся государственности маньчжуро-монгольских властных институтов.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ У НАРОДОВ МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКОГО РЕГИОНА

Государственность зародилась у народов Маньчжуро-Монгольского региона в I — начале II тыс. в политиях Син-Ло, Гао-Гуй-Ли, Фу-Юй-Го, Бо-Цзи, Гуй-Ли, И-Лоу-Го, У-Цзи-Го и нек. др. Важнейшим этапом в ходе развития государственности является процесс централизации и объединения под эгидой империи Бохай. Создание Маньчжурской империи в начале XVII в. ознаменовало собой новый этап развития государственности этой части Евразийского континента, и поскольку он существенно отразился на населяющих эти территории народах, то нуждался не только в политическом, но и в научном подтверждении с позиций исторической преемственности. Описание имперских государств и властных институтов появляется на страницах обзоров «Библиографического бюллетеня Центральной библиотеки КВЖД», который в качестве отдельного приложения с 1927 г. снабжает выпуски «Вестника Маньчжурии». Так, в первом из них показана эволюция бохайской, киданьско-тангутской, чжурчжэньской и собственно маньчжурской государственности в VI–XVII вв. [Библиография..., 1927, с. 99].

В числе основных исследователей — один из ведущих специалистов своего времени по Монголии и Маньчжурии А. М. Баранов, за неделю до своей смерти 27 января 1927 г. завершивший работу над важным трудом об истории Маньчжурского края [Баранов, 1928], а также крупный исследователь маньчжурского региона П. Н. Меньшиков [Меньшиков, 1917]. И если А. М. Баранов сосредоточивал внимание на сохранившихся рукотворных памятниках (валах, развалинах крепостей и т. п.), ратуя за их каталогизацию и сохранность, то П. Н. Меньшиков, уделяя значительное внимание не только историческим, но и этнографическим и антропологическим аспектам, показывал единую историко-культурную общность проживающих на этих огромных пространствах людей.

В дальнейшем данного подхода придерживались многие востоковеды: например, выпускник восточного факультета Санкт-Петербургского университе-

та А. Ю. фон Ландезен пытался сквозь памятники письменности осуществить связь с тангутами [Ландезен, 1909], оставившими обширное наследие своего государства Западное Ся, исследование которого П. К. Козловым в этот период шло полным ходом [Библиография, 1910]. Монголы, разрушившие в первой трети XIII в. Тангутское государство и империю Цзинь, в XVII в. сами подверглись поглощению, произошедшему в относительно мягкой форме и закрепленному решениями двух съездов — для Внутренней Монголии в 1636 г. и Халха- (или Внешней) Монголии — в 1691 г. Эти события исследует М. А. Полумордвинов в двух своих работах. Первая из них касается вхождения монгольских земель в состав империи Цин [Полумордвинов, 1912], но особый интерес представляет вторая работа — комментированное Приложение [Дополнение..., 1912], являющееся в первых двух параграфах переводом указа императора Абахая от 17 мая 1636 г. Данный указ закреплял гарантии монгольских князей во внутреннем управлении, а Абахая обеспечивал преемственность власти от самого Чингисхана в статусе монгольского Великого хана (Богдохана). В своем труде М. А. Полумордвинов ведет речь о личной унии монголов с цинскими императорами. Из этого делается вывод о том, что у китайских республиканских властей, свергнувших Маньчжурский императорский дом, не оказалось юридических прав на верховенство над монгольскими землями и монгольскими князьями.

Нюансы, связанные с вхождением в состав империи Цин разных монгольских территорий, отражены в двух работах историка и востоковеда Б. М. Гурьева [Гурьев, 1912; Гурьев, 1910], представляющих собой одни из первых подобного рода исследований политико-правового характера. Особое внимание уделено Халха-Монголии и процессу ее искусственного разделения после 1691 г. цинскими императорами между монгольскими князьями. Значительный объем работы занимает изучение правовой стороны вопроса, регулируемого так называемым «Уложением Палаты внешних сношений (Лифаньюань)» в нескольких редакциях. Здесь же автор раскрывает одну из причин отпадения Монголии от республиканского Китая в 1911 г. — китайскую колонизацию. Начатая на излете империи Цин в 1880-е годы, она нарушала древние устои и гарантии первых императоров, однако остановить ее последние императоры уже не могли из-за отсутствия в их руках к тому времени реальной политической власти. Попытки задобрить монгольские элиты и придать им высокий статус в обновляемом государственном аппарате (например, в качестве важных участников создаваемой Конституционной палаты [Доброловский, 1910]) ситуацию спасти не могли, в результате в так называемом монгольском вопросе пришлось всерьез разбираться уже республиканским властям.

КИТАЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ВЛАСТНЫЕ ИНСТИТУТЫ МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Характеристика нами китайской колонизации исконных монгольских и маньчжурских земель в качестве особого политического института обусловлена тремя моментами. Во-первых, тем, что одновременно с проникновением на юри-

дически неприкасаемые маньчжуро-монгольские территории, официальный Пекин фактически создавал на этих землях новые административные образования, фу и тины, с ханьским населением и самостоятельной, традиционной для континентального (Внутреннего) Китая системой управления. Эта система формально не нарушала хошунно-аймачный родовой уклад, а лишь урезала княжеские владения в размерах и тем самым расширяла свое, ханьское, пространство. В результате, например, многие монгольские княжества (хошуну) сократились по размерам площадей в несколько раз, а после смерти своих князей, не оставлявших мужского потомства, полностью преобразовывались в китайские территориальные единицы. Во-вторых, китайская колонизация играла роль сдерживающего механизма продвижения Российской империи в регион, что, как мы увидим далее, существенно беспокоило центральное правительство в Пекине. И в-третьих, колонизация давала мощный толчок в развитии отсталым в этом аспекте районам, обладавшим высоким экономическим потенциалом.

Разобраться в стратегических, политических и экономических причинах колонизации Маньчжуро-Монгольского региона пытался коммерческий агент КВЖД А. П. Болобан, ему принадлежит серия знаковых работ [Болобан, 1910]. Автор изучает систему управления Маньчжурией после воцарения цинских императоров в Пекине в 1644 г. и дает оценку эффективности переселенческой политики центральных властей как до середины XIX в., так и после Опиумных войн, когда дряхлеющая империя оказалась не в состоянии контролировать свои границы и эффективно управлять внутренними вопросами [Болобан, 1910, с. 88]. Признавая колонизацию противоречащей древним обычаям и договоренностям между монголами и цинскими императорами, автор тем не менее отмечает, что это был едва ли не единственный действенный механизм противостояния русскому проникновению в регион. Заканчивая статью, А. П. Болобан призывал российское правительство следовать аналогичным образом, опасаясь «желтой угрозы», в полной уверенности, что Россия в будущем потеряет контролируемые ей земли.

Правдивость этих утверждений подтверждалась в одной из своих работ русским и советским синологом А. В. Гребенщиковым [Гребенщиков, 1909]. Исследователь, изучая организацию управления малыми населенными пунктами — деревнями и поселками — и функционирование в них зарождающихся органов местного самоуправления [Гребенщиков, 1909, с. 194], обращал внимание на быстрое заселение интересующих ханьских переселенцев пространств с созданием для переселенцев относительно комфортной среды.

Поручик первого Сибирского стрелкового Его Величества полка В. Д. Песоцкий, чья небольшая статья [Песоцкий, 1913] оказалась посвящена фактору сдерживания Китаем российского присутствия в регионе южной части Приморской области в районе мыса Гамова и ниже до корейской границы, подтверждает наличие для нашей страны «желтой опасности» в связи с активной китайской колонизацией [Песоцкий, 1913, с. 12–15].

Еще один известный исследователь региона, Е. Е. Яшнов, десятиллионный рост населения Маньчжурии связывал со строительством КВЖД [Яшнов,

1923b], а само строительство путей сообщения определял как положительный фактор для российского присутствия в регионе. Он также связывал развитие как самой дороги, так и ее инфраструктуры (а равно и российского влияния в регионе) с повышением эффективности сельского хозяйства и, следовательно, стоял на позициях необходимости увеличения объемов колонизации, как российской, так и китайской [Яшнов, 1923а].

В аналогичном, геоэкономическом, ключе рассуждает Б. Фрозе в своей работе [Фрозе, 1911], представляющей собой уникальное исследование не только властных отношений во Внутренней Монголии, но и описание различных подходов и систем колонизации, применяемых китайской стороной.

Надо отметить, что российская сторона внимательно отслеживала любые публичные оценки переселенческой политики китайских властей (см. напр.: [Янг, 1928]) и весьма резко реагировала на попытки публично занизить масштабы потенциальных угроз ханьской колонизации российским интересам [Наука и жизнь..., 1911], поощряя при этом просветительскую деятельность местного населения относительно российской переселенческой политики [Библиография, 1911].

В целом же колонизация маньчжуро-монгольских территорий была весьма важным инструментом влияния как для китайской, так и для российской стороны, однако очень болезненным вопросом для исконного населения, и в первую очередь потому, что в корне меняла систему публичной власти, существовавшую до этого несколько веков.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ НА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ПЕКИНУ МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

В 1907 г. Маньчжурия как родовая вотчина императоров была разделена по китайскому образцу на три провинции, Фэнтянь, Ляонин и Хэйлунцзян, с губернаторами во главе каждой из них и генерал-губернатором над ними. Эти события, а также маньчжурские властные институты на региональном, провинциальном и уездном уровнях, их история, колонизационная политика и др. нашли отражение в серии неперIODических изданий, публикуемых под эгидой Экономического бюро КВДЖ либо обезличенным коллективом составителей [Северная Маньчжурия..., 1922, с. 1–47], либо под редакцией или за авторством упоминаемых выше П. Н. Меньшикова [Северная Маньчжурия..., 1916; Северная Маньчжурия..., 1918], Е. Е. Яшнова [Яшнов, 1928] и других известных нам лиц. Поскольку в составе новой административно-территориальной единицы оказалась часть монгольских земель, указанные авторы об этом тоже делали оговорку. Однако более детальный анализ состояния монгольских хошунов (княжеств), объединяемых в аймаки (обычно по два, реже — по три), а тех, в свою очередь, — в сеймы, был осуществлен А. М. Барановым [Баранов, 1908] с грифом «Не подлежит оглашению» и поручиком Заамурского округа Н. М. Коншиным [Коншин, 1907] с грифом «Секретно». В этой связи любопытными являются оценки и прогнозы модернизации государственного аппарата в части управления монгольскими территориями в предреволюционный период [Новиков,

1909]. Так, весьма неоднозначным видится нам указание на ожидаемое «со дня на день» преобразование Монголии в два генерал-губернаторства с одновременным учреждением «двух десятков новых административных округов обще-китайского типа» [Новиков, 1909, с. 16]. Забегая вперед, отметим, что данная реформа не состоялась, тогда как преобразование Внутренней Монголии по образцу провинций Внутреннего Китая прошло относительно успешно. Упоминается о китайских военных поселениях на территории Монголии и укрепление ее в приграничных округах [Новиков, 1909, с. 16]. Небезынтересной является и заметка о новом генерал-губернаторе Маньчжурии этническом монголе Си Ляне [Маньчжурия..., 1909], изобилующая фактическим данными в области управления этой областью и прогнозами на ближайшее будущее в области финансов, пограничных мероприятий, городского управления и таможен, логистики, административной реформы и других подобных вопросов. Равно как и в Монголии, в Маньчжурии реформы республиканских властей не встречали поддержки, провоцировали напряженность и именно они стали причиной относительно легкого проникновения в регион японцев и образования в 1931–1932 гг. государства Маньчжоу-Го, о чем мы будем вести речь во второй части нашего исследования.

ВОЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ И МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИЙ СЕГМЕНТ РУССКО-ЦИНСКОЙ ГРАНИЦЫ

Военные институты в связке с обеспечением обороноспособности маньчжуро-монгольских земель и границ так называемого Внешнего Китая также играли важную роль в организации и обеспечении властных отношений в регионе, и здесь можно выделить три ключевых направления их изучения. Первое — в русле с мероприятиями цинского правительства по укреплению своих рубежей на монгольских территориях. Связано это было с расформированием некогда грозной восьмизнаменной маньчжурской армии [Хроника Востока..., 1909], в состав которой включались также и монгольские военные соединения. Со временем значение армии уменьшалось, а свою неэффективность и отсталость она доказывала на протяжении всего XIX столетия в борьбе с европейцами и японцами, исходя из чего ожидалось значительное обновление военной инфраструктуры на изучаемых нами территориях в предреволюционную эпоху. При этом речь идет и об организации народного ополчения в Маньчжурии [Хроника Востока..., 1911], могущего, по мнению местных китайских чиновников, хоть как-то предотвратить военные действия России против Китая в случае необходимости.

С развитием в западных странах логистической инфраструктуры, одним из ведущих элементов которой стали железные дороги, и в связи с отсталостью и в этом направлении империи Цин выдвигается амбициозный проект масштабного железнодорожного строительства на фоне «опасности усиления русского влияния в Маньчжурии и Монголии» [Хроника Востока..., 1909]. Здесь речь идет о связке двух монгольских столиц — Урги (совр. Улан-Батор, Монголия) в Халха-Монголии и Калгана (совр. Чжанцзякоу, провинция Хэбэй, КНР)

во Внутренней Монголии, о прокладке «рельсового пути к Улясутаю» [Хроника Востока..., 1909, с. 177], что на западных границах Внешней Монголии, а также о выделении грандиозных денежных сумм «на расходы по установлению дозорных служб на границах» [Хроника Востока..., 1909, с. 178]. В этом ключе небезыңтересной будет заметка [Хроника Востока..., 1910], продолжающая разговор о грандиозном строительстве Великого Трансмонгольского пути, могущего связать все политические центры монгольских земель, но в большей степени она интересна описанием планов новой республиканской власти в отношении военного обеспечения западных монгольских территорий: формирование двух дивизий в Монголии, двух дивизий — в Тибете и охранных войск в Нинся, Алтае, Чахаре, Кобдо, Или и Улясутае, т. е. по всей протяженности русско-цинской границы. Очевидно, что данные военные образования играли бы двойную роль: защищали регион от потенциальной угрозы иностранного вторжения и обеспечивали в случае необходимости возможность усмирить восставшее местное население, которое все более и более тяготилось цинским присутствием.

Второе направление — в русле установления четкой границы между двумя империями в районах русско-монгольских контактов. Значимость этих районов заключалась в их фронтирном характере на относительно небольшом пространстве, например, современный пограничный переход Кяхта — Алтанбулаг (бывш. кит. Маймачен), в течение нескольких столетий игравший роль основной перевалочной базы Великого чайного пути. Об уточнении русско-китайской границы между Кяхтой и Шабин-Дабаном имелась заметка в № 5 «Вестника Азии» за 1910 г. [Об исправлении..., 1910]. Любопытна она не только подробным юридическим анализом имеющихся на тот момент договоров и оговорок по ним между двумя империями, но и тем, что уделяет определенное внимание отдельным аспектам так называемого Урянхайского вопроса [Об исправлении..., 1910, с. 96–97] — геополитической проблемы подконтрольности территорий Урянхайского края (совр. Тува) русскому влиянию. И хотя тувинцы относятся не к монгольским, а к тюркским народам, для нашего исследования они тоже представляют значительный интерес из-за историко-культурной и религиозной общности с монголами, а также из-за их фронтирного положения. В этой связи не оставим без внимания говорящий сам за себя интереснейший и полезнейший для нашего исследования труд А. М. Баранова [Баранов, 1913], а также упомянем об инициативе российских властей, доведенной до уровня Государственной думы, «об учреждении с 1 января 1917 г. двух новых должностей участковых мировых судей в Урянхайском крае» [Хроника..., 1916]. Значимость этой части китайской границы подтверждается высоким статусом лиц, назначаемых для ее уточнения. Так, в одной из заметок, помещенной в № 28–29 «Вестника Азии» за 1914 г. [Хроника..., 1914], говорилось о представлении к назначению китайской стороны для работ по разграничению приграничных с Халхой и Россией пространств бывшего губернатора провинции Хэйлуңцзян Би Гуйфына, чиновника высокого ранга и значимости.

ПРОБЛЕМА ЛЕГИТИМНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ КИТАЯ В ГЛАЗАХ МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ПОСЛЕ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И наконец, на состояние властных институтов в маньчжуро-монгольском регионе во втором десятилетии XX в. существенным образом влияла проблема легитимности центральных, республиканских, властных институтов Китая после Синьхайской революции. Исторические события 1911–1912 гг., в результате которых 12 февраля 1912 г. Маньчжурский императорский дом отрекся от власти, поставили вопрос о существовании нового Китая в качестве «республики пяти наций»: ханьцев, мусульман, маньчжуров, монголов и тибетцев. Однако последние три нации имели опыт самостоятельной государственности в недавнем прошлом и потому заявили о разрыве личной унии с распадавшейся империей. Об этом одним из первых, «по горячим следам», спустя 3 дня после отречения императора, 15 февраля 1912 г., пишет М. А. Полумордвинов [Полумордвинов, 1912]. Он утверждает нереальность обретения ныне статуса независимого государства Маньчжурией, которая на рубеже XVI–XVII вв. превратилась в мощнейшую империю региона [Полумордвинов, 1912, с. 7], допуская при этом за ней сохранение политической целостности при хоть каком-то активном участии в этом процессе низложенного императорского дома. Одновременно с этим ставится вопрос и о праве монголов на свои родовые земли как в границах Маньчжурии по состоянию на 1644 г. (год завоевания Китая цинскими императорами), так и на пространстве их родовых владений к Северу и Востоку — на территории Халха-Монголии и Внутренней Монголии. Апеллируя к древним договоренностям маньчжурских императоров с монголами, о которых мы вели речь выше, М. А. Полумордвинов конституирует способность Халхи к независимости с опорой на нормы международного права, чем эта страна в итоге и воспользовалась.

Обстоятельный анализ властных институтов как в ракурсе происходящих революционных событий, так и в русле традиционных конфуцианских устоев дает востоковед, выпускник Санкт-Петербургского университета Г. Г. Авенариус [Авенариус, 1914]. В своей объемной работе он погружается в еще более древние события XI–XIII вв. Показав некоторую преемственность империи Цзинь от Киданьской империи [Авенариус, 1914, с. 86], ученый в общих чертах осветил развитие чжурчжэньской государственности до монгольского завоевания [Авенариус, 1914, с. 86–89] и формирование монгольских властных институтов при династии Юань на китайских территориях [Авенариус, 1914, с. 90–96], после чего перешел к анализу государственной системы империи Цин [Авенариус, 1914, с. 106], показав причины ее распада, не без иронии отмечая, что со временем маньчжуры превратились из грозных завоевателей в «сословие тунейдцев, живущих за счет китайского народа» [Авенариус, 1914, с. 144].

Наконец, обращаясь к архивам католических миссий, в аналогичном ключе рассуждает и другой известный востоковед, П. В. Шкуркин, отмечающий в одной из своих работ [Шкуркин, 1913] многочисленные ошибки миссионеров в трактовке процесса образования Маньчжурской империи, одновременно с этим раскрывая малоизвестные события трехсотлетней давности, включая

взаимоотношения маньчжуров с монголами, процесс поглощения их территорий и перехода верховной государственной власти от их ханов к маньчжурским правителям [Шкуркин, 1913, с. 18]. В заключение автор пророчески говорит о том, что созданная после свержения Цинов «quasi-республика» будет ликвидирована не восстановлением власти прежних царственных династий, а ее нынешним президентом [Шкуркин, 1913, с. 31], что в итоге и произошло в 1915 г., когда Юань Шикай, первый президент Китайской Республики после Сунь Ятсена, провозгласил себя императором.

ВЫВОДЫ

Итак, констатируем, что к началу XX в. маньчжуро-монгольский регион накопил значительный опыт государственности. Этот опыт был пристальным образом изучен выдающимися учеными — нашими соотечественниками, и их наследие сегодня нуждается в глубоком переосмыслении. Благодаря усилиям А. М. Баранова, П. Н. Меньшикова, Е. Е. Яшнова и др. мы имеем возможность исследовать проживавшие здесь народы и их властные институты, претерпевавшие в первой половине XX в. значительные изменения, вызванные как объективными, так и субъективными причинами. Китайская колонизация издавна недоступных для этого земель, интересы Российской империи и ее стремление закрепиться в регионе, научно-технический прогресс, приведший к масштабному железнодорожному строительству и отчуждению под него огромных территорий вкпе с социальными противоречиями, разрешить которые имперская государственная система оказалась не в состоянии, революция, ликвидировавшая самую древнюю в мире монархию, а вместе с ней и гарантии неприкосновенности северных территорий, существенно трансформировали облик Маньчжурии и Монголии. Попытки республиканских властей встроить их в обновленный политический порядок «Республики пяти наций» успеха не имели, в результате возникли центробежные тенденции, которые в течение последующих трех десятков лет будут порождать создание новых политий, претендующих на самостоятельность и государственный суверенитет, о чем мы намерены рассказать в следующей части нашей работы.

Литература

Авенариус Г. Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция о существовании государственной власти // Вестник Азии. 1914. № 19–22. С. 1–149.

Баранов А. Задачи секции этнографии // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1922. № 1. С. 12–15.

Баранов А. Регистрация памятников древности в Маньчжурии // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1923. № 3. С. 37–40.

Баранов А. М. Историческое прошлое Маньчжурии // Известия Общества изучения Маньчжурского края. 1928. № 7. С. 9–19.

Баранов А. М. Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин: Типолитография Штаба Заамурского округа пограничной стражи, 1908. 2, VI, 138, 1 с.

Баранов А. М. Урянхайский вопрос. Харбин: Типолитография Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1913. 48, 1 с.

- Библиография // Вестник Азии. 1910. № 4. С. 222–247.
- Библиография // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 225–235.
- Библиография. Библиографический бюллетень Центральной Библиотеки КВЖД № 1 // Вестник Маньчжурии. 1927. № 3. С. 77–110.
- Болобан А.* Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 85–127.
- Гребенщиков А.* По Амуру и Сунгари. Путевые заметки // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 189–212.
- Гурьев Б.* Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 21–40.
- Гурьев Б.* Территориальная неприкосновенность Монголии по уложению Лифан-юаня // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 6–13.
- Доброловский И. А.* Открытие в Пекине первой сессии Конституционной Палаты // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 59–67.
- Дополнение к «Исторической справке» // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. I–IV.
- Коншин.* Княжество Дурбет. Харбин: Типолитография Штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи, 1907. 27 с.
- Ландезен фон А.* Тангутская надпись в Мукдене // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 237–242.
- Маньчжурия. Новая метла // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 254–269.
- Меньшиков П. Н.* Краткий исторический очерк Маньчжурии // Вестник Азии. 1917. № 42. С. 5–44.
- Наука и жизнь. В Обществе русских ориенталистов. К вопросу о колонизации Северной Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 7. С. 135–137.
- Новиков Н.* Задача общества русских ориенталистов в связи с общественно-политическим состоянием Дальнего Востока // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 1–19.
- Об исправлении русско-китайской границы между Кяхтой и Шабин-Дабаном // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 95–101.
- Отчет секретаря Общества русских ориенталистов. За 1915 год // Вестник Азии. 1914. № 31–32. С. 195–209.
- Песоцкий В.* Хунь-чуньская долина // Вестник Азии. 1913. № 16–17. С. 1–19.
- Полумордвинов М.* Историческая справка // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 1–20.
- Северная Маньчжурия: с приложением карты всей Маньчжурии: отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской жел. дор. П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Харбин: Изд. Коммерческой части Китайской Восточной ж. д., 1916 (Тип. Китайской Восточной железной дороги). Т. 1: Гиринская провинция, 1916. XXI, 652 с.
- Северная Маньчжурия: с приложением карты всей Маньчжурии: отчет по командировке агентов Коммерческой части Китайской жел. дор. П. Н. Меньшикова, П. Н. Смольникова и А. И. Чиркова в 1914 и 1915 гг. Харбин: Изд. Коммерческой части Китайской Восточной ж. д., 1916 (Тип. Китайской Восточной железной дороги). Т. 2: Хэйлуцзянская провинция, 1918. XVIII, 646, IX с.
- Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1922. XI, 692, XXIII с.
- Фрозе Б.* Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 90–136.
- Хроника Востока. Китай // Вестник Азии. 1910. № 3. С. 244–247.
- Хроника Востока. Китайские армия и флот по сообщениям китайской печати // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 243–249.
- Хроника Востока. Народное ополчение в Маньчжурии // Вестник Азии. 1911. № 9. С. 195.
- Хроника Востока. Пограничные мероприятия китайского правительства // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 177–178.
- Хроника. Азиатская Россия. Мировые судьи в Урянхайском крае // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 180.
- Хроника. Китай. Внутренняя жизнь Китая // Вестник Азии. 1914. № 28–29. С. 117.

Шкуркин П. В. Страница из истории Китая. Падение Минской династии и воцарение Цинской // Вестник Азии. 1913. № 18. С. 1–31.

Янг В. Переселение китайцев в Маньчжурию // Вестник Маньчжурии. 1928. № 2. С. 27–34.

Яшнов Е. Железнодорожные подъездные пути к Китайской Восточной жел. дор. // Экономический вестник Маньчжурии. 1923а. № 32. С. 5–9.

Яшнов Е. Колонизация Северной Маньчжурии и К. В. жел. дорога // Экономический вестник Маньчжурии. 1923б. № 20–21. С. 21–26.

Яшнов Е. Е. Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин: Типография Китайской Восточной железной дороги, 1928. VII, 292 с.

Дудин Павел Николаевич — д-р ист. наук, доц.; dudin2pavel@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 24 августа 2022 г.;

рекомендована к печати: 22 сентября 2022 г.

Для цитирования: *Дудин П. Н.* Институты публичной власти у маньчжуро-монгольских народов Восточной Азии в первой половине XX в. (часть 1: имперский политический порядок) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18, № 4. С. 442–455.
<https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.406>

INSTITUTIONS OF PUBLIC POWER AMONG THE MANCHU-MONGOLIAN PEOPLES OF EAST ASIA IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY (PART 1: IMPERIAL POLITICAL ORDER)*

Pavel N. Dudin

Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, ul. Sakhyanovoy, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670047,
Russian Federation; dudin2pavel@gmail.com

In his article, the author, relying on the works of Russian researchers of the East Asian region, attempts to characterize the public-power institutions of the Manchurian-Mongolian peoples in the early 20th century. Remaining in the shadow of China, these peoples have accumulated considerable experience of statehood, which in different historical epochs allowed them to create powerful powers that conquer each other and neighboring countries. However, at the turn of the 19th–20th centuries, power relations were exposed to some factors, as a result of which the political landscape of the region changed significantly. Among these, the author, first of all, highlights the Chinese colonization carried out in relation to the ancestral Mongolian lands when it was impossible to resist this on the part of the Qing emperors, who were once guarantors of their inviolability. Chinese administrative-territorial units with central subordination are created on the territories of ancestral principalities, and the *vymorochnye* possessions are transferred under the direct control of the provincial administration. Manchuria, as an ancient patrimony of the ruling imperial house, also turns out to be divided into three provinces, and the same fate awaits Inner and Outer Mongolia. Traditional military institutions, having proved their ineffectiveness in the fight against the Europeans and the Japanese, are being disbanded, and new formations are being created in the national regions of “Outer China”, designed to protect the border from a possible attack, and to keep dependent territories subordinate to the central authorities. Trying to follow the spirit of the times and, at the same time, solving the defense problem, plans are being hatched for grandiose railway construction in the studied space. However, it began in the autumn of 1911 the Xinhai Revolution led to the overthrow of the monarchy and the actual rupture of the personal alliances

* The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>.

that held the national regions of the North of the Qing Empire in unity with the metropolis. Thus, the problem of the legitimacy of the central government of republican China in the eyes of the Manchurian-Mongolian peoples was generated, which led the country to the actual disintegration and formation of new national states in the Manchurian-Mongolian historical and cultural space.

Keywords: institutions of public power, statehood, colonization, border, legitimacy, Manchuria, Mongolia, Qing Empire, Republic of China.

References

- Avenarius G. Brief essay on the history of China in connection with the teachings of Confucius on the essence of state power. *Vestnik Azii*, 1914, no. 19–22, pp. 1–149. (In Russian)
- Baranov A. Tasks of the section of ethnography. *Izvestiia Obshchestva izucheniia Man'chzhurskogo kraia*, 1922, no. 1, pp. 12–15. (In Russian)
- Baranov A. Registration of ancient monuments in Manchuria. *Izvestiia Obshchestva izucheniia Man'chzhurskogo kraia*, 1923, no. 3, pp. 37–40. (In Russian)
- Baranov A. M. *Northeastern Seims of Mongolia*. Kharbin: Tipo-litografiia Shtaba Zaamurskogo okruga pograničnoi strazhi Publ., 1908, 2, VI, 138, 1 p. (In Russian)
- Baranov A. M. The historical past of Manchuria. *Izvestiia Obshchestva izucheniia Man'chzhurskogo kraia*, 1928, no. 7, pp. 9–19. (In Russian)
- Baranov A. M. *Uriankhai question*. Kharbin: Tipo-litografiia Zaamurskogo okruga otdel'nogo korpusa pograničnoi strazhi Publ., 1913. 48, 1 p. (In Russian)
- Bibliography. Bibliographic Bulletin of the Central Library of the Chinese Eastern Railway no. 1. *Vestnik Man'chzhurii*, 1927, no. 3, pp. 77–110. (In Russian)
- Bibliography. *Vestnik Azii*, 1910, no. 4, pp. 222–247. (In Russian)
- Bibliography. *Vestnik Azii*, 1911, no. 9, pp. 225–235. (In Russian)
- Boloban A. China's colonization problems in Manchuria and Mongolia. *Vestnik Azii*, 1910, no. 3, pp. 85–127. (In Russian)
- Chronicle of the East. Border measures of the Chinese government. *Vestnik Azii*, 1909, no. 2, pp. 177–178. (In Russian)
- Chronicle of the East. China. *Vestnik Azii*. 1910, no. 3, pp. 244–247. (In Russian)
- Chronicle of the East. Chinese army and navy according to the Chinese press. *Vestnik Azii*, 1909, no. 1, pp. 243–249. (In Russian)
- Chronicle of the East. People's militia in Manchuria. *Vestnik Azii*, 1911, no. 9, p. 195. (In Russian)
- Chronicle. Asian Russia. Justices of the peace in the Uryankhai region. *Vestnik Azii*, 1916, no. 38–39, p. 180. (In Russian)
- Chronicle. China. The internal life of China. *Vestnik Azii*, 1914, no. 28–29, pp. 117. (In Russian)
- Dobrolovskii I. A. Opening in Beijing of the first session of the Constitutional Chamber. *Vestnik Azii*, 1910, no. 6, pp. 59–67. (In Russian)
- Froze B. Eastern Mongolia and its colonization. *Vestnik Azii*, 1911, no. 10, pp. 90–136. (In Russian)
- Grebenshchikov A. Along the Amur and Sungari. Travel notes. *Vestnik Azii*, 1909, no. 1, pp. 189–212. (In Russian)
- Gur'ev B. Mongolia and China and their political relations. *Vestnik Azii*, 1912, no. 11–12, pp. 21–40. (In Russian)
- Gur'ev B. Territorial immunity of Mongolia according to the code of Lifan-yuan. *Vestnik Azii*, 1910, no. 6, pp. 6–13. (In Russian)
- Iang V. Resettlement of the Chinese in Manchuria. *Vestnik Man'chzhurii*, 1928, no. 2, pp. 27–34. (In Russian)
- Iashnov E. Colonization of Northern Manchuria and Chinese Eastern Railway. *Ekonomicheskii vestnik Man'chzhurii*, 1923b, no. 20–21, pp. 21–26. (In Russian)
- Iashnov E. Railway access roads to the Chinese Eastern Railway. *Ekonomicheskii vestnik Man'chzhurii*, 1923a, no. 32, pp. 5–9. (In Russian)
- Iashnov E. E. *Chinese colonization of Northern Manchuria and its prospects*. Kharbin: Tipografiia Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1928, VII, 292 p. (In Russian) *Konshin*. Principality

of Durbet. Kharbin: Tipolitografiia Shtaba Zaamurskogo okruga otdel'nogo korpusa pogranichnoi strazhii Publ., 1907, 2, 27 p. (In Russian)

Landezon fon A. Tangut inscription in Mukden. *Vestnik Azii*, 1909, no. 1, pp. 237–242. (In Russian)

Manchuria. New broom. *Vestnik Azii*, 1909, no. 1, pp. 254–269. (In Russian)

Men'shikov P.N. Brief historical outline of Manchuria. *Vestnik Azii*, 1917, no. 42, pp. 5–44. (In Russian)

Northern Manchuria and the Chinese Eastern Railway. Kharbin: Tipografiia Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1922, XI, 692, XXIII p. (In Russian)

Northern Manchuria: with a map of the whole of Manchuria attached: A report on the business trip of agents of the Commercial Section of the Chinese Railway P. N. Menshikov, P. N. Smolnikov and A. I. Chirkov in 1914 and 1915. Kharbin: Izdatelstvo Kommercheskoi chasti Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1916 (Tipografiia. Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi), vol. 1: Girinskaia provintsia, 1916, XXI. 652 p. (In Russian)

Northern Manchuria: with a map of the whole of Manchuria attached: a report on the business trip of agents of the Commercial Section of the Chinese Railway P. N. Menshikov, P. N. Smolnikov and A. I. Chirkov in 1914 and 1915. Kharbin: Izdatelstvo Kommercheskoi chasti Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi Publ., 1916 (Tipografiia Kitaiskoi Vostochnoi zheleznoi dorogi), vol. 2: Kheiluntszhianskaia provintsia, 1918, XVIII. 646, IX p. (In Russian)

Novikov N. The task of the society of Russian Orientalists in connection with the socio-political state of the Far East. *Vestnik Azii*, 1909, no. 1, pp. 1–19. (In Russian)

On the correction of the Russian-Chinese border between Kyakhta and Shabin-Daban. *Vestnik Azii*, 1910, no 5, pp. 95–101. (In Russian)

Pesotskii V. Hun-chun valley. *Vestnik Azii*, 1913, no. 16-17, pp. 1–19. (In Russian)

Polumordvinov M. Historical reference. *Vestnik Azii*, 1912, no. 11–12, pp. 1–20. (In Russian)

Report of the Secretary of the Society of Russian Orientalists. For 1915. *Vestnik Azii*, 1914, no. 31–32, pp. 195–209. (In Russian)

Science and life. In the Society of Russian Orientalists. On the issue of colonization of the North Manchuria. *Vestnik Azii*, 1911, no. 7, pp. 135–137. (In Russian)

Shkurkin P.V. A page from the history of China. The fall of the Ming dynasty and the accession of the Qing. *Vestnik Azii*, 1913, no. 18, pp. 1–31. (In Russian)

Supplement to the "Historical Information". *Vestnik Azii*, 1912, no. 11–12, pp. I–IV. (In Russian)

Received: August 24, 2022

Accepted: September 22, 2022

For citation: Dudin P.N. Institutions of public power among the Manchu-Mongolian peoples of East Asia in the first half of the twentieth century (part 1: Imperial political order). *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 442–455. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.406> (In Russian)